

нимания, интеллектуальной поддержки, которые выливались бы в механизмы защиты сообщества от повторных трагедий и удерживали бы его в области «человеческого».

Литература

1. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.
2. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
3. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышление о репрезентации травмы // Травма: пункты. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 389-407.
4. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, 2000. 368 с.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6-16.

Проблема исторического сознания в философской герменевтике, теории истории и дидактике истории ФРГ второй половины XX – начала XXI вв.*

Линченко А.А., Липецк

к. филос. н., научный сотрудник
Липецкого филиала Финансового
университета при Правительстве РФ

В статье представлен анализ эволюции проблемы исторического сознания в интеллектуальной культуре Германии второй половины XX века. Показано, что трансформация философии истории, а также культурная политика «преодоления прошлого» актуализировали различные уровни рефлексии. Интерпретации исторического сознания анализируются на уровне философской герменевтики, теории истории и дидактики истории. Показано, что дальнейшее развитие исследований исторического сознания выявило встречные тенденции в практизации герменевтической теории с одной стороны, а с другой стороны рост интереса теории и дидактики истории к философской концептуализации исторического сознания и исторической культуры.

Ключевые слова: историческое сознание, философская герменевтика, теория истории, дидактика истории, историческая культура, постметафизическая философия.

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

The problem of historical consciousness in philosophical hermeneutics, theory of history and didactics of the history of the Federal Republic of Germany in the second half of the 20th and early 21st centuries

The article presents an analysis of the evolution of the problem of historical consciousness in the intellectual culture of Germany in the second half of the 20th century. It is shown that the transformation of the philosophy of history, as well as the cultural policy of "overcoming the past" actualized various levels of reflection. Interpretations of historical consciousness are analyzed at the levels of philosophical hermeneutics, theory of history and didactics of history. It is shown that the further development of studies of historical consciousness revealed counter tendencies in the practization of hermeneutic theory, on the one hand, and on the other hand, the growing interest in theory and didactics of history to the philosophical conceptualizations of historical consciousness and historical culture.

Keywords: historical consciousness, philosophical hermeneutics, theory of history, didactics of history, historical culture, post-metaphysical philosophy.

Термин «историческое сознание» имеет немецкие корни. Проблема исторического сознания для Германии в XIX веке являлась одним из путей обретения ее национальной идентичности. Освободительная война против Наполеона, прусская реакция, революция 1848 года, образование Германской империи в 1871 году и ее «национальная катастрофа» 1918 года представляют собой общий фон становления немецкой идентичности. В рамках первого смыслового контекста понятие «историческое сознание» употреблялось как «совокупность знаний о прошлом». Наиболее ярко данный смысловой контекст представлен в употреблении термина «историческое сознание» среди представителей ново-тюрингенской богословской школы в 30-е-60-е гг. XIX века (Ф. Х. Баур, Э. Целлер, А. Швенглер и Ф. А. Штауденмайер, Д. Штраус). Сам Ф.Х. Баур, как и его ученики, издававшие «Теологический ежегодник», использовали термин «историческое сознание» в смысле «совокупности источников о происхождении и истории Церкви», а также в смысле «христианского исторического сознания». Последний смысл надолго закрепился в немецкой литературе и получил широкое распространение. Данный термин встречается в четвертом томе толкового словаря немецкого языка братьев Гримм, где историческое сознание толкуется как «христианское историческое сознание народа» [7, s. 3867], что можно считать отголоском тюрингенской традиции.

Новая смысловая парадигма рассмотрения исторического сознания приходится на последнюю треть XIX – первую половину XX вв. Ее важнейшее отличие от предыдущего этапа – выделение исторического сознания как самостоятельного понятия, попытки его категоризации и трансформация понимания исторического сознания не только как определенного способа обращения исключительно к прошлому, но как взгляд на прошлое из настоящего и будущего

(Ф. Ницше, В. Дильтей, Э. Ротхакер). Наибольший вклад в развитие представлений об историческом сознании внес В. Дильтей, который развивая идеи об историчности всего сущего, непрерывном потоке жизни, понимании как методе гуманитарных наук превращает понятие «историческое сознание» в самостоятельную категорию философии жизни и философии истории.

Вторая половина XX века ознаменовалась расширением исследований исторического сознания в ФРГ. Оно становится предметом пристального внимания не столько философии истории в целом, сколько философской герменевтики, теории истории и дидактики истории. Причина этого лежит как в особенностях трансформации самой философии истории, так и в тех веяниях культурной и политической жизни, которые становятся заметными в ФРГ в 60-е-70-е гг. XX в. Речь идет с одной стороны о различных попытках ухода от поиска метафизических оснований философии истории, включая попытки осмыслить онтологические вопросы исторического бытия. С другой стороны, начиная с 60-х гг. XX в. философия истории обращается не только к эпистемологическим вопросам в аналитической и нарративной традициях, но и к проблемам технологического прогресса, медийного дискурса об истории, этическим измерениям истории, проблемам исторического опыта. Подобные тенденции явились следствием трансформации философии вообще, что было связано с ее новой «постметафизической» интерпретацией в работах Ю. Хабермаса. В исследованиях подчеркивается, что «выражение «постметафизическая философия истории» не столько обозначает какое-то новое направление в историософии, сколько фиксирует факт дистанцирования от базовых презумпций метафизического мышления и метафизического способа философствования» [2, с. 5]. В этой связи одним из вариантов постметафизической философии явилась философская герменевтика Х.-Г. Гадамера, указывавшая на медиальное значение языка и учитывавшей персональность жизненного опыта и понимания, а также обусловленность познания и действия традицией.

Другой причиной расширения исследовательских практик исторического сознания является ситуация в послевоенной Западной Германии, где в 60-е-70-е годы XX века активизируется молодежное движение, стремящееся осмыслить «темные страницы» нацистского прошлого и приведшее в конце концов к особой культурной политике «преодоления прошлого». В этой связи историческое сознание, получившее распространение до этого преимущественно в экзистенциальной философии истории (М. Хайдеггер, К. Ясперс) приобретает новое «практическое» звучание, становясь одним из центральных понятий теории истории и дидактики истории. Таким образом, к началу 70-х годов XX века можно говорить о параллельном развитии проблематики исторического сознания на различных уровнях теоретического осмысления: на уровне философской герменевтики, на уровне теории истории и на уровне дидактики истории.

Ключевое значение в развитии философских представлений об историческом сознании в 60-е годы в Европе сыграла герменевтика Гадамера, который пытался превратить герменевтику в универсальную среду гуманитарного знания и культуры в целом. Историческое сознание, приобрело у него характер «действенно-

исторического», поскольку оно, по мнению немецкого ученого, является способом самосознания собственной историчности и вовлеченности в ситуацию взаимосвязи традиций. Важная роль категории действенно-исторического сознания может быть выявлена и в том, что именно оно у Гадамера являлось осознанием герменевтической ситуации – «где мы стоим перед преданием, которое нам следует понять». Как известно, ключевое значение для динамики действенно-исторического сознания по мысли Гадамера играют понимание, интерпретацию и применение. Целостность исторического сознания у Гадамера опосредована целостной связью данных операций. Сохраняя онтологический статус понимания, Гадамер представлял его, прежде всего, как «действенно-историческое свершение», включенность в предание, со-причастность общему смыслу, самопонимание через понимание другого, «событие традиции», реализуемое посредством процедуры герменевтического круга. В структуру понимания органично вплетена интерпретация, которая понималась им не как «нахождение», а как «привнесение смысла», т.е. не в качестве воссоздания первичного смысла текста, а в создании смысла заново [1, с. 221].

Вместе с тем, социокультурные реалии ФРГ 60-х-80-х гг. XX в. диктовали потребность не только в философском уровне исследования, но и в более прикладных аспектах изучения исторического сознания, связанных с потребностью формирования нового исторического мышления. Трансформация исторического сознания, дискуссии о том, какую историю преподавать и как совмещать историческое образование с политическим самосознанием выдвинули на первый план проблемы дидактики истории, превратив последнюю в принципиально новую дисциплину. При этом, было бы существенным упрощением утверждать о прямом влиянии герменевтических идей Гадамера на появление эмпирических исследований исторического сознания в дидактике истории. Это связано с тем, что исследования исторического сознания молодежи появляются в Германии еще в самом начале XX века [8], а затем возобновляются в 30-е годы [13]. Наиболее заметными являются две модели исторического сознания, представленные в работах Х. Ю. Панделя и Б. фон Борриса. Модель исторического сознания Х. Ю. Панделя мыслилась им как модель индивидуального исторического сознания и не выходила за рамки изучения детских форм интерпретации историчности. По его мысли историческое сознание конституируется не мыслительными операциями, но различными аспектами осознания или «измерениями», которых он насчитывает семь (сознание времени, сознание действительности, сознание историчности, сознание идентичности, политическое сознание, экономико-социальное сознание, моральное сознание). Каждое из данных измерений сопоставимо с формами общественного сознания, если говорить о них в традиционном марксистском смысле. Разница только в том, что данные семь измерений исторического сознания разделяются Панделем на два больших типа: измерения, отражающие историчность и измерения, отражающие общественность [10, с. 3-4]. Модель исторического сознания Б. фон Борриса, как и модель Х. Ю. Панделя является статичной, а также ориентированной на личностное отношение к прошлому. Данная модель является «гносеологической» по своему содер-

жанию, хотя и включает в себя эмоциональный, эстетический и нравственный компоненты. В индивидуальном историческом сознании Бодо фон Боррис выделяет четыре уровня: первый уровень представляет сферу неосознаваемого восприятия истории; второй уровень представляет собой сферу эстетического отношения к истории, выраженное в «эпическом» и наделении ее атрибутами «легендарности»; третий уровень представляет собой сферу моральных оценок истории, основанных на конкретных исторических знаниях; четвертый уровень представляет собой сферу исторического понимания и ответственного действия в текущей жизни, основанного на критическом осознании исторического опыта [5, s. 12].

Сложности и противоречия восприятия нацистского прошлого породили не только формы философской и дидактической рефлексии относительно исторического сознания. Проблемы исторического мышления и исторического сознания получают свое рассмотрение в 70-е-80-е гг. в рамках теории истории (Р. Козеллек, Й. Рюзен). Теория истории впитала в себя результаты исследований исторического сознания в философской герменевтике (Р. Козеллек) и дидактики истории (Й. Рюзен). Именно из перспективы формирования исторического сознания следует рассматривать методологические идеи Р. Козеллека в отношении истории понятий и его учение об особенностях восприятия времени и истории в контексте динамического взаимодействия «пространства опыта» и «горизонта ожидания». Немецкий мыслитель полагал эти две категории главными эпистемологическими условиями рождения любых человеческих историй [9].

Особое место в послевоенных исследованиях исторического сознания в ФРГ занимают работы Й. Рюзена. Основное отличие данной модели от предыдущих заключается в попытке соотнести историческое сознание с категорией времени и с социальной практикой. Он пытается показать нам именно динамику исторического сознания. Для него историческое сознание – это придание (смысла) значения опыту изменений во времени. Эта формула раскрывается Рюзеном в трех основных понятиях, характеризующих вообще способность человека мыслить исторически: а) способность иметь опыт темпоральной инаковости; б) способность интерпретировать; в) способность к ориентации и самомотивации. Позиция Йорна Рюзена – это попытка применить и развить философию Юргена Хабермаса на почве исторической науки. Рюзен настаивает на необходимости синтеза рационализма и постмодернизма. По сути, он пытается вписать разум и рациональность в жизненный мир и эстетику постмодернизма. Данная идея была высказана им еще в начале 80-х годов в его книге, посвященной историческому опыту, где она была представлена в виде разработанной им так называемой «дисциплинарной матрицы исторической науки». Как известно, Й. Рюзен выделяет три основных измерения данной матрицы: политическую стратегию коллективной памяти, познавательную стратегию производства исторических знаний и эстетическую стратегию поэтики и риторики исторического изображения. Данные измерения в пяти принципах исторического мышления: интересы (потребности ориентации во временном изменении современного мира), концепты обозначения (теории, перспективы, категории), методы и правила эмпирическо-

го исследования в исторической науке, формы репрезентации и функции культурной ориентации в форме направления во времени человеческой деятельности, а также представленные концептами исторической идентичности [4, с. 26].

Вместе с тем, все три уровня интерпретации исторического сознания в немецкой интеллектуальной жизни второй половины XX века не только были взаимосвязанными, но и в своем текущем развитии демонстрируют движение в сторону взаимовлияния. Применительно к философской герменевтике Х. Г. Гадамера речь идет о тенденции деинституционализации. И. Инишев в этой связи отмечает «В своем программном труде “Истина и метод” Гадамер формулирует идею универсальной герменевтической теории, которую впоследствии (в работах 1970-1990-х гг.) стремится растворить в герменевтической и эстетической практике» [3, с. 9]. Речь идет о превращении философской герменевтики в герменевтическую философию и практику конкретных способов обращения с языком.

Не менее интересно и движение теории истории и дидактики истории в сторону большей теоретизации исследований исторического сознания. Это связано с введением в научный оборот в начале 90-х годов понятия «историческая культура». По мнению Й. Рюзена, историческая культура есть историческое сознание, схваченное в действии. Она представляет собой все возможные формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности. Она охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [11, s. 238]. Важнейшей функцией исторической культуры, по его мнению, является формирование исторического смысла общества, которое осуществляется в рамках четырех ментальных процедур: восприятия, значения, ориентирования и целеполагания. В работах Б. Шёнemann историческая культура трактуется как социальная система [12, s. 26]. При этом он не стремится описать сущность самой исторической культуры, а переносит свое исследование на элементы системы: институциональное, профессиональное, медиальное и публичное. Как и предыдущий исследователь, Шёнemann говорит о необходимости практической интерпретации термина «историческая культура», говоря о пяти наиболее перспективных темах его анализа: истории как политическом аргументе, национальные и военные памятники, праздники и юбилеи, общественные представления об истории, культура воспоминаний и мемориальная культура.

Следует отметить, что в последние годы новое поколение дидактиков истории в ФРГ только усилили вектор движения в сторону изучения исторического сознания в контексте сопоставления базовых понятий и категорий дидактики истории и философии истории. Так, в марте 2018 года в Билефельде прошел теоретический семинар, посвященный особенностям теоретизации дидактики истории в контексте понятий жизненного мира и науки [6]. Семинар был посвящен обсуждению вопросов теоретического статуса понятия «жизненный мир» в дидактике истории, возможностям его практического использования в преподавании истории, изучении политического измерения истории, жизненного мира и теории. Любопытно, что следующий семинар состоится в Кёльне в марте 2019 года

и будет посвящен вопросам морального измерения теории и практики дидактики истории, обращения к дидактике истории как к практике общественной ответственности.

Таким образом, проблема исторического сознания занимает особое место в интеллектуальной культуре Германии второй половины XX века. Трансформация философии истории в сторону ее постметафизических интерпретаций, а также культурная политика «преодоления прошлого» актуализировали различные уровни рефлексии относительно проблемы исторического сознания в 60-е – 80-е годы. Значимыми вехами в этой связи выступили философская герменевтика, теория истории и дидактика истории, предложившие свои особые модели исторического сознания. Дальнейшее развитие исследований исторического сознания выявило целый ряд встречных тенденций, выразившихся с одной стороны в практизации герменевтической теории, а с другой стороны в росте интереса теории и дидактики истории к философской концептуализации исторического сознания и исторической культуры.

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция / под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С. 202-242.
2. Демин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте. Дисс. ... доктора филос. наук. Самара, 2017. 339 с.
3. Инишев И. Н. Чтение и дискурс: трансформация герменевтики. Вильнюс: ЕГУ, 2007. 168 с.
4. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып.7. С. 8-26.
5. Borries B. von. Geschichtslernen und Geschichtsbewusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und Gebrauch von Historie. Stuttgart: Klett, 1988. 456 s.
6. Geschichtsdidaktische Theoriebildung zwischen Lebenswelt und Wissenschaft. 19-20 März. Workshop Papiere. Bielefeld, 2018. 32 s.
7. Deutsches wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. Leipzig, 1897. Bd. 4., S. 38-67.
8. Dück J. Das historische Interesse der Schüler // Zeitschrift für pädagogische Psychologie und Jugendkunde. 1911. Bd.12. S. 5-17.
9. Koselleck R. Vergangene Zukunft. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1979. 389 s.
10. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1991. S. 1-24.
11. Rüsen J. Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln: Böchlau. 1994. S. 256.

12. Schönemann B. Geschichtsdidaktik und Geschichtskultur // Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / Bernd Mütter, Bernd Schönemann, Uwe Uffelman (Hrsg.). Weinheim, 2000. S. 26-58.

13. Sonntag K. Das geschichtliche Bewusstsein des schülers. Erfurt, Verlag Kurt Stanger, 1932. 129 s.

Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ

Сериков А.Е., Самара

к. филос. н., зав. кафедрой
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Самарская гуманитарная академия

Художественные нарративы можно использовать для описания типичных ситуаций и форм поведения. В дополнение к лексической, грамматической и семантической разметке текстов, тексты можно размечать и анализировать с точки зрения поведенческой грамматики ситуаций. В статье представлен пример подобной разметки и основанного на ней анализа.

Ключевые слова: поведение человека, формы типичного поведения, практики, психофизиологические состояния, ситуация, грамматика поведения, художественные повествования, культура, общество.

A. Serikov, Samara

Interpretation of fictional narrative character's behavior: parsing and situational analysis

Typical situations and patterns of behavior could be described and analyzed using fictional narratives. In addition to lexical, grammatical, and semantic parsing, narratives could be parsed from the behavioral grammar point of view. An example of such parsing and corresponding analysis is presented in the article.

Keywords: human behavior, patterns of typical behavior, practices, psychophysiological states, situation, behavioral grammar, fictional narratives, culture, society.

Методы интерпретации художественных повествований зависят от тех задач, на которые они направлены. Ниже будет предложена общая идея метода, которая возникла в контексте двух научных задач.

Во-первых, я исхожу из того, что в науках о культуре, обществе и поведении человека – в культурной и социальной антропологии, социологии, психологии, этологии человека – существенно не хватает эмпирических данных. Теоретические обобщения в этих науках делаются, как правило, на основе различных вариантов опроса и наблюдения либо в естественных, либо в экспериментальных